
Рассел Шорто

Shorto, Russell

A History of the World's Most Liberal City

Рассел Шорто

Амстердам

История самого свободного города в мире

Издательство АСТ
Москва

УДК 908(492-25)
ББК 26.89(4Нид)
Ш79

Серия «Страны, города и люди»

Russell Shorto

AMSTERDAM

A HISTORY OF THE WORLD'S MOST LIBERAL CITY

Перевод с английского *Н.Н. Сотниковой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств

Anne Edelstein Literary Agency LLC и The Van Lear Agency.

Шорто, Рассел.

Ш79 Амстердам / Рассел Шорто ; [пер. с англ. Н.Н. Сотниковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Страны, города и люди).

ISBN 978-5-17-090181-4

Амстердам — второй финансовый центр мира, сравнимый с античным Римом и буржуазным Лондоном.

Выросший в борьбе со стихией наступающего моря, город превратился в средоточие предприимчивости и свободы, став сердцем торгового мира. И крупнейшая заслуга в этом принадлежала голландской Ост-Индской компании, являвшейся, по сути, первой акционерной фирмой. Основанная в 1602 г., она сделала государство в государстве, а ее базой был Амстердам.

Но кто основал эту будущую «северную жемчужину»? Как и почему вообще маленькое поселение, вечно жившее под угрозой наводнения, превратилось со временем в один из самых богатых, могущественных и красивых городов Европы?

В своей интересной и познавательной книге Рассел Шорто, директор Американского культурного центра в Амстердаме, раскрывает перед читателями богатую и бурную историю этого удивительного города.

УДК 908(492-25)

ББК 26.89(4Нид)

© Russell Shorto, 2013

© Перевод. Н.Н. Сотникова, 2016

ISBN 978-5-17-090181-4

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

*Посвящается
Памеле, Анне, Еве, Энтони, Ренье,
Гектору и Бенджамину*

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. ПОЕЗДКА НА ВЕЛОСИПЕДЕ	9
Глава 2. ВОДНЫЕ СЛОЖНОСТИ	33
Глава 3. ПЕРЕМЕНА	73

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 4. ТА САМАЯ КОМПАНИЯ	123
Глава 5. ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ГОРОД	174
Глава 6. «ЭТО РЕДКОЕ СЧАСТЬЕ – ЖИТЬ В РЕСПУБЛИКЕ»	222

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 7. ИСТОКИ НАСЛЕДИЯ	253
Глава 8. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА	303
Глава 9. «МЫ ИЗВЕЩАЕМ ВАС О ВЫСТУПЛЕНИИ МОЩНЫХ НЕМЕЦКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ»	355
Глава 10. ЭТОТ КОЛДОВСКОЙ ЦЕНТР	389
Послесловие	430
Благодарность	433
<i>Библиография</i>	436

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ПОЕЗДКА НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Каждый день в Амстердаме начинается с того, что я покидаю свою квартиру с сыном-малышом на руках, пристегиваю его ремнями к детскому сиденью между ручками руля своего велосипеда, всовываю его маленькие пухлые ножки в кроссовках в крепления-наколенники, а затем отправляюсь в путь по спокойным улицам нашего района под названием Ауд-Зейд — Старый Юг. Обычно по ним гуляет ветер. Для того чтобы представить себе утреннее освещение, по которому мы выезжаем в дорогу, вам достаточно взглянуть на картину любого голландского мастера. Ему присуща белоснежная чистота, этакая отмытость. Это — мягкий свет без какого-либо, например, характерного оранжевого свечения, которое излучает солнце Средиземноморья. Окрестности застроены четырьмя- или пятиэтажными кирпичными зданиями, воздвигнутыми в первые два десятилетия двадцатого века. Именно тогда то, что было городом усердных работяг, все еще пропахшим запахом селедки и поджариваемых кофейных зерен, стало быстро расширяться вокруг своей центральной сердцевины из каналов.

Мы едем мимо квартир, расположенных на первом этаже. В некоторых из них, следуя нидерландской тра-

диции, по моему разумению связанной с неистребимой приверженностью к открытости, центральное окно в характерной манере не закрыто шторами, выставляя гостиную на всеобщее обозрение. Все это выглядит так, будто проживающая там семья считает свою жизнь достойной музея. Некоторое время я не понимал, почему, когда мы выезжали на ту часть маршрута, которая пролегает вдоль канала, мой сын раздражался серией визгливых криков. Потом я осознал, что Энтони подражал чайкам, издававшим вопли, когда птицы выписывали свои головоружительные траектории и пике над водой.

Наш велосипед катится мимо нескольких небольших заведений. Когда мы проезжаем мимо булочной, от нее исходит утренний аромат, сдобренный корицей. В витрине магазина по продаже велосипедов на углу выставлены поблескивающие добротные новые модели, в последнее время окрашенные в пастельные тона. Это — продукция заводов «Газель» и «Баравус», которые уже век изготавливают нидерландские велосипеды. Открытый вход справа от витрин ведет в подвальное помещение и мастерскую, с которой я знаком слишком хорошо. Канавки в бетоне по обеим сторонам лестницы, спускающейся вниз, предназначены для велосипедных шин.

Изредка я меняю маршрут и сворачиваю на Хоббемакаде, где справа тянется отрезок канала несколько заброшенного вида с пристанью, поросшей сорняками. Около нее стоят на приколе утлые лодчонки, приспособленные под жилье, а слева располагаются остатки одного из самых маленьких и менее заметных районов красных фонарей. Де-Валлен — амстердамский центральный район красных фонарей — представляет собой нечто вроде заменяющего Диснейленд мирка, шумного и с несколько вымученным весельем, посещаемого не только пьяными туристами мужского пола, но также и прогуливающи-

мися под руку супружескими парами и даже семьями. Здесь, по контрасту, имеются только три или четыре витрины, в которых лицензированные городские проститутки выставляют себя напоказ в окружении того, что во всех прочих отношениях является обычной жилой улицей. До меня никогда не доходило, каким образом клиенты узнают, где сыскать их. Тем не менее даже утром там зачастую дежурит на своем посту по меньшей мере одна женщина, облаченная в купальник, рассевшаяся на стуле, курящая или вяло нажимающая на кнопки мобильного телефона. Иногда она машет рукой Энтони или одаривает его улыбкой. Другие витрины могут и пустовать, за исключением стула со свернутым полотенцем, смятым таким образом, как будто на нем сидели. Такие детали — смятое полотенце, усталый взгляд женщины, которой предстоит целый день паяльаться на улице, с перерывами на короткие промежутки секса с незнакомцами, — переносят постыдно известную терпимость города к пороку из сфер стремления к сенсационности и идеализму в глубоко мирское измерение. Как и в других местах, проживание здесь некоторое время приводит к тому, что экзотика рушится под грузом обыденности. Через пару дверей располагается рекламное агентство, чье название — «Странная любовь» — может показаться вам комментарием к деятельности его соседей, но я готов держать пари, что это вовсе не так. Я склонен поспорить, что сотрудники агентства их даже не замечают.

Амстердамская школа — таково название, данное стилю архитектуры, которому было положено начало в моем районе, когда тот создавался. Этому стилю присуща формальная эстетика, у которой имеются присущие ей технические характеристики и философские (социалистические) обоснования, но для меня он просто воплощает разумно приятное сочетание прихоти и осно-

вательности. Материалом является кирпич (что может быть более основательным!), однако же существует бесконечное число игривых вариантов: закругленных наподобие башенок углов, встроенных скульптур в духе ар-деко, которые, похоже, насмеваются над твердостью материала (девочка в окружении кроликов, мальчик, поддерживающий подъезд), многоквартирные здания длиной в квартал, которые могли быть вдохновлены океанским лайнером или же свадебным тортом.

Этот район расположен не далее чем в пяти минутах езды на велосипеде от пояса из каналов и легендарного сердца Амстердама семнадцатого века, но когда строители создавали его сотню лет назад, они, должно быть, ощущали необходимость приобщить новую площадь к истории города. Если бы Рембрандт посетил участок непосредственно вокруг моего дома, он смог бы ощутить нечто родственное, ибо, хотя в его время тут простирались поля и болота, улицы здесь носят имена художников, которых он взращивал в своей мастерской или конкурировал с ними за заказы: Франса ван Мириса, писавшего изысканные небольшие портреты представителей среднего класса; Николаса Маса, часто изображавшего простых людей за молитвой или принятием пищи и уделявшего такое же любовное внимание поблескивающей краюхе хлеба, как и лицам своих объектов; Филипсу Вауэрману, специализировавшемуся на сценах охоты и известного изображением норовистой лошади.

Во время создания моего района все они были личностями великого прошлого, так что улица имени Николаса Маса и улица Франса ван Мириса немедленно придали новому околотку нечто от блеска века славы Амстердама, когда тот был — на краткое время и невероятным образом — самым большим городом мира. По сей день дома на этих улицах отличает величавый внешний

вид. Но по мере того, как вы удаляетесь от центра, как это делаем мы во время нашего утреннего путешествия, дома становятся проще. Похоже, что век назад отцы города не хотели разбавить великолепие золотого века, распространяя его имена слишком далеко. С другой стороны, в 1905 году, как раз в то время, когда создавалась самая дальняя часть этого района, находившийся поблизости Стеделек-музей — городской музей современного искусства — устроил первую в стране выставку, посвященную Винсенту Ван Гогу. Этот голландский художник умер за пятнадцать лет до этого; его родная страна приложила все усилия, дабы забыть его, но тогда стало очевидно, что придется уделять ему внимание. Однако в то же самое время его имя не было отягощено никакой буржуазностью — и кто знал, выдержат ли эти жирные мазки-завихрения яркого цвета испытание временем? В результате того, что я считаю подобными соображениями, улица Винсента Ван Гога — единственная улица в районе, чье название на сегодняшний день немедленно, повсеместно является узнаваемым, — принадлежит к числу скромнейших: одинокая шеренга унылых зданий.

Эта улица также возвещает конец нашего небольшого путешествия. Проехавши ее, я соскакиваю с велосипеда, расстегиваю ремешки и опускаю Энтони на тротуар. Пока я звоню в дверь, ребенок поднимает крышку почтового ящика, расположенного на уровне его роста, и кричит в него. Дверь открывает марокканка на четвертом десятке, облаченная в головной платок, платье до пола и сандалии. У нее доброе лицо, и она улыбается Энтони, говоря ему, как он порос за этот уик-энд: «*Nou, wat een grote jongen ben je!*»* Вместо того чтобы войти в ее квартиру, он играет, пытаясь вскарабкаться по лестнице на

* Ну какой же ты теперь большой мальчик! (*нидерл.*)

следующий этаж. Иман и ее муж прожили в Амстердаме десять лет. У них две маленькие дочери. Ее муж водит городской автобус; она имеет лицензию *gastouder*, что буквально означает «родителя на день», в Соединенных Штатах Иман назвали бы дневной нянькой. Ее четырехлетняя Марва со своей копной кудрей и большими темными глазами появляется из-за матери и вновь, и вновь твердит «здравствуйте». Потом девчужка говорит мне, что Энтони уродливый. Далее она обнимает его и ведет в квартиру.

Иман и я несколько минут болтаем. Несколько недель назад она спросила меня, не можем ли мы — мать Энтони и я — подписать иммиграционный документ в поддержку ее сестры, которая хотела приехать в Амстердам навестить ее. Сначала я был сбит с толку: мне казалось, что такой документ требуется для людей, намеревающихся переселиться сюда, а не для тех, кто просто хочет навестить семью. Впоследствии я узнал, что теперь в Нидерландах для людей из определенных стран (читай: бедных стран — или, точнее говоря, мусульманских) необходимо составить целое досье с обширными заявками, включая поручения резидентов за них, даже если все, что они хотят, так это взглянуть на каналы и тюльпаны. Мы подписали бланк. Затем через несколько недель Иман сообщила, что ее сестре в заявке было отказано. Указанным основанием было то, что она «*onbetrouwbaar*» — не внушает доверия. Когда Иман запросила разъяснение через иммиграционного адвоката, ей сказали, что по причине имеющихся «родственных уз» в стране существует опасение, что сестра может остаться в Нидерландах. Это поставило женщину в тупик. Она и ее муж являются законными резидентами Нидерландов. Они платят налоги. Дома семья разговаривает по-нидерландски. Они, по их словам, играют по

правилам. Тем не менее их законное проживание само по себе сочли основанием для отсутствия доверия. Много позже это решение было изменено, и сестре Иман дали разрешение на посещение, но такова загадка нашей эры: город, исторически прославившийся защитой понятия терпимости, теперь, казалось, наносил на карту странные новые границы нетерпимости.

Один раз в неделю, оставив Энтони в доме Иман, я возвращаюсь напрямую домой, а провожу утро, исследуя другую, совершенно отличную границу нетерпимости. Используя другой маршрут, я подъезжаю к углу улицы Бетховена (теперь вновь вступив в более фешенебельную часть этого района, чья территория более подходит к великим именам, — поблизости располагаются улицы Рубенса и Баха), внимательно обзираю цветочный киоск на углу улицы, покупаю букет пестрых тюльпанов или розовато-сиреневые розы и звоню в дверь за несколько шагов отсюда. Наверху меня встречает пожилая женщина с короткими волосами стального оттенка, резкими угловатыми очертаниями челюсти и бегающим взглядом птичьих глаз. Ее имя — Фрида Менко. Мы обмениваемся в качестве традиционного голландского приветствия тремя поцелуями, я подношу ей цветы, она слабо протестует, что мне не следует делать этого, и выпускает меня в свою квартиру. Гостиная и столовая просторны, полны света и скупо обставлены современной мебелью. Кофейный столик накрыт: на нем печенье, шоколад, кофейник и две чашки, кувшин воды, ваза с цветами.

Мы садимся и немного болтаем. Затем она поворачивает лицо к водянистому солнечному свету, льющемуся через окна, и произносит:

— Итак, на чем я остановилась?

Кто-то кричит снаружи, — нет, это множество людей, сбивчивые голоса. Поезд бросает из стороны в сторону;